

Детство и юность Куприна были затянuty в казенную форму; молодые годы прошли в провинциальной офицерской среде. И когда, выйдя в 1894 году в отставку, он появляется в Киеве без профессии, без средств к существованию, без основательной культуры и с полным незнанием жизни, то чувствует себя, по собственным словам, «в положении институтки-смолянки, которую ни с того ни с сего завели бы ночью в дебри Олонецких лесов и оставили бы без одежды, пищи и компаса. Вдобавок, — замечает он, — самое тяжелое было то, что у меня не было никаких знаний, ни научных, ни житейских». Попав в большой незнакомый город, он был вынужден перепробовать все роли на нижних этажах социального здания.

О тех опасностях, какие подстерегали талант молодого Куприна, пронизательно отозвался много позже Бунин: «...выйдя из полка и кормясь потом действительно самыми разнообразными трудами, он кормился, между прочим, при какой-то киевской газетке не только журнальной работой, но и «рассказишками». Он мне говорил, что эти «рассказишки» он сбывал «за сущие гроши, разумеется, но очень легко», а писал и того легче, «на бегу, на лету, посвистывая» — и ловко попадая по своей талантливости во вкус редактору и читателям».

Примеров «потрафления» вкусам публики у молодого Куприна, к сожалению, немало. Это прежде всего рассказы, где изображаются «р-р-оковые» страсти, где мелодрама принудительно делит героев на воплощение благородства и злодейства. Таково первое печатное произведение Куприна — «Последний дебют». Ту же «душещипательную» традицию продолжают некоторые рассказы 90-х годов — «Впотьмах», «Лунной ночью», «Странный случай» и т. д. Пройдет немного времени, и в очерке «По заказу» Куприн резко высмеет собственные литературные штампы.

О своих ранних произведениях Куприн отозвался сурово. «Да поймите же, — объяснял он корреспонденту газеты «Крымский курьер», — что это первые ребяческие шаги на литературной дороге». Преодолению литературщины, заемных мелодраматических трафаретов и расхожих описаний способствовало подлинное познание жизни. Молодому писателю приходилось всю наверстывать упущенное за годы скудной юности. В его автобиографии приведен поистине устрашающий список тех профессий, какие он перепробовал, расставшись с военным мундиром: был репортером, управляющим при постройке дома, служил в технической конторе, был псаломщиком, выступал на сцене, изучал зубо врачебное дело, пробовал постричься в монахи, был заведующим учетом кузницы и столярной мастерской при сталелитейном заводе в Волынце, служил в артели по переноске мебели фирмы некоего Лоскутова, работал по разгрузке арбузов и т. д.

В этом списке первым стоит: репортер. И это не случайно. Репортерская работа в киевских газетах — судебная и полицейская хроника, писание фельетонов, передовиц и даже «корреспонденций из Парижа» — была главной писательской школой Куприна. К профессии репортера он сохранил навсегда теплое отношение. В 1918 году в петроградской газете «Вечерние огни» Куприн так охарактеризовал репортерскую работу: «Публика еще продолжает думать, что репортер — пожарный строчила либо пресущественник... Между тем репортер, как и беллетрист, должен «видеть все», знать все, уметь все и писать обо всем. Границы между